

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК

ОДЕССКИЕ ОСКОЛКИ

Александр Сороковик

Одесские осколки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сороковик А.

Одесские осколки / А. Сороковик — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-3-85-658810-7

В этой книге собраны рассказы об Одессе и её жителях. О старике-сапожнике дяде Боре, героической кошке Муське, о любви – и самой первой и несостоявшейся. О подростках, молодых людях, старом скрипаче и его верной Музе. О приключениях, о буднях и обо всём, что происходит вокруг нас. Несмотря на то, что это рассказы об Одессе, в этой книге совсем немного юмора. В этих рассказах – всего понемногу, как и всегда в нашей жизни. Есть в книге и воспоминания об Одессе 1960-х, то что было в моём детстве.

ISBN 978-3-85-658810-7

© Сороковик А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Старые итальянские туфли	5
Красные босоножки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Сороковик Одесские осколки

Старые итальянские туфли

Мать вошла в Маринкину комнату как обычно, не постучавшись и не спросясь. Дочь лежала на тахте, задрав на сложенное одеяло полные белые ноги – чтоб отдыхали. Всё её внимание занимал планшет с широким экраном. Наманикюренные пальчики сосредоточенно прыгали по экрану, довольно субтильное для её комплекции миловидное личико под тёмными кудряшками выражало умиротворение и сосредоточенность.

– Вставай давай, иди к отцу в комнату. Он благословить вас с Генкой хочет.

– Чё, опять помирает? – лениво спросила Маринка, по-прежнему не отрываясь от экрана. – У меня тут только базар толковый вырисовывается...

– Не опять, а снова! – Лариса Сергеевна повысила голос. – Тебе бы только с подружками ля-ля...

– Это не подружки, мам, – Маринка томно вздохнула, – это Игорёк!

– Ну, так скажи, что позвонишь или как у вас там... напишешь попозже, отец зовёт!

– Ладно, приду щас, погоди чуток...

* * *

Старший Курилов лежал на своей тахте в маленькой комнате и тяжело, с постанываниями, дышал. Лариса вошла, подтолкнула вперёд хмурого Генку, двенадцатилетнего оболтуса, давно уже переставшего слушаться кого-либо и понимавшего только тяжёлую мамкину руку, когда она бралась за него всерьёз.

Маринка, недовольно кривя губы, держалась подальше, возле двери, всем своим видом показывая, что пора уже начинать и побыстрее заканчивать всё это действо: её ждёт Игорёк для продолжения интересного разговора.

Александр Михайлович открыл глаза, убедился, что вся семья в сборе, и начал приподниматься на своём ложе. Повозился немного, пытаясь сесть, укоризненно посмотрел на жену. Та, зыркнув на Генку, чтоб не удрал, подошла к кровати, подтянула мужа за плечи, прислонила к стоящей вертикально подушке. Вернулась на своё место и с ничего не выражающим лицом стала ждать.

– Лариса, дети, я умираю, – голос Курилова был слаб и тих, но никто не придвинулся поближе, чтоб расслышать последние слова умирающего, все молча стояли с равнодушными лицами, – пришёл мой час, всё кончено... Дети, я должен благословить вас; подойди, Марина.

Маринка равнодушно приблизилась, привычно наклонила голову. Отец крестообразно потыкал над её волосами маленькой иконкой Богородицы, как умея, изображая благословение. Затем совершил такую же процедуру с Генкой, взяв с прикроватной тумбочки ещё меньшую иконку Спасителя. Сын пыхтел недовольно, однако молчал.

Никогда не отличавшийся особой религиозностью, Курилов когда-то прочитал то ли у Чехова, то ли у Толстого, как русские помещики и аристократы благословляли перед смертью детей иконами, и теперь ему хотелось им, благородным и значительным, подражать.

Больших деревянных икон в доме не держали, приходилось довольствоваться малюсенькими бумажными образками. Что именно говорить, благословляя домашних, Курилов не знал, поэтому просто изображал подобие креста над головами детей и важно молчал.

Александр Михайлович откинулся на подушки, пожевал губами и заученно произнёс:

– Мать слушайте, поддерживайте её. Ты, Геннадий, будешь теперь вместо меня, учись хорошо, поступай в институт, зарабатывай, помни, что ты мужчина. Марина, будь счастлива с Игорем, замуж выходи, свадьбу играй скоро, не жди, когда по мне траур кончится, – девушка кивала, делая вид, что внимает последней воле отца. Свадьба планировалась на июль, когда Игорёк сдаст летнюю сессию, и это мероприятие никак не зависело от желаний отца семейства, всё было давно обговорено и решено без него.

– Лариса, крепись! Тебе, я знаю, будет трудно без меня, но ты выдержишь, – он помолчал, а потом начал давать указания, как вести хозяйство и содержать дом с уходом основного кормильца. Тут уж его вообще перестали слушать. Давным-давно мать и дочь вели это самое хозяйство сами, обходясь неплохой маминой и пока ещё маленькой дочкиной зарплатами, а также недавно выбитым крохотным государственным пособием.

Старший Курилов работал нерегулярно, получал мало, а на своё лечение, как все мнительные люди, тратил много, так что говорить о нём, как не только об основном, но и вообще, как о кормильце, было нелепо.

Вскоре больной выдохся. Он попросил у всех прощения и закрыл глаза, давая понять, что церемония окончена. Все стали с облегчением продвигаться к двери, как вдруг Александр Михайлович окликнул жену:

– Лариса, а где мои итальянские туфли?

– Не знаю, где-то в кладовке, наверное, – равнодушно отозвалась та.

– Ты найди их, почисти. Я хочу, чтоб меня в них в гроб положили. Слышишь? Обязательно в них похорони, это моя последняя воля! – повысил он голос, словно откликаясь на её равнодушие.

– Хорошо, я найду. – Лариса изо всех сил пыталась скрыть раздражение. – Ну, мы пойдём, отдыхай, поспи, всё и пройдёт. Лекарство вон, выпей.

Курилов устало махнул рукой, не открывая глаз, но ничего не сказал. Домашние с облегчением покинули комнату.

* * *

Жена и дети Курилова не были равнодушными и циничными негодяями, которые не слушают умирающего мужа и отца. Дело в том, что глава семейства устраивал шоу с умиранием, благословением детей и прочими атрибутами регулярно, чуть ли не каждый месяц. Это длилось уже больше года и надоело всем хуже горькой редьки.

Всё началось позапрошлым летом, когда Александр Михайлович, и раньше не блиставший крепким здоровьем, сильно занемог. Беда заключалась в том, что он всегда любил то, чего ему следовало избегать: копчёное мясо, жареную картошечку, жирную домашнюю колбаску и, конечно, под это дело, водочку.

Жена не одобряла его увлечений, поэтому он частенько на заначенные от неё деньги тайком покупал запретные лакомства и в знакомом баре возле Привоза уничтожал их под сто пятьдесят грамм. Также неплохо давали возможность покушать родственники и друзья. Куриловы жили небогато, но в праздники гостей принимали, да и сами в гости ходили часто. И везде столы ломились от обильной, но неизысканной, простой жирной и острой пищи, да и водочка была в достатке.

В то лето, после череды щедрых застолий, Александра Михайловича увезла скорая. Организм, регулярно отравляемый острой и жирной пищей, не выдержал и отозвался сразу целым букетом заболеваний: тут были и почечные колики, и повышенный сахар, и щитовидка.

Он провалялся две недели в больнице, кое-как подлечился, но баловаться запретным не перестал. Ходил в поликлинику, пил множество дорогих лекарств, прислушивался к своему организму, впадал в истерику по поводу надвигающейся кончины, но диеты придерживался

только дома, под бдительным оком супруги, да на работе, когда таковая имелась, получая диетические обеды с собой. При этом в гостях, где вкусного было вдоволь, не сдерживался и набивал желудок вредной пищей, несмотря на попытки жены остановить его.

После этого чаще всего следовал приступ, обезболивающий укол и шоу с умиранием и благословением. Семья давно уже тяготилась этими спектаклями, но прервать их никто не решался.

Вот и сейчас все вздохнули с облегчением и стали расходиться по своим делам. Только Лариса вдруг остановилась и задумчиво спросила дочь:

– Мариш, а действительно, ты не помнишь, где эти туфли могут быть? Он же теперь не слезет с нас, пока они не найдутся. Вот же вбил себе в голову!

– Да не переживай ты, ма, – Маринка стояла уже на пороге комнаты, – я их недавно видела в кладовке, внизу среди хлама. Только куда их, им же сто лет в обед, они все стоптанные, пыльные, потресканные!

– Куда, куда! – мать сердито дёрнула головой. – Найдём их, вычистим, починим, кремом намажем, и пусть любит, вспоминает, как сто лет назад их носил, деловым себя воображал!

Маринка пошла к себе и продолжила общение с женихом, которое закончилось только за полночь. Самый животрепещущий вопрос, давно и безуспешно обсуждаемый, был у них квартирный. Ещё не решили, где жить: у неё комната была, но находится в квартире отцу вместе с будущим мужем не представлялось возможным: Игорь, целеустремлённый молодой человек, оканчивал престижный институт, куда поступил сам на бюджетное отделение, и уже проходил стажировку в очень крутой организации. Будущего тестя откровенно презирал и совершенно не терпел его поучений, а папочка только и ждал нового члена семьи, чтоб учить уму-разуму. Генка-то совсем от рук отбился, а зять должен терпеть, раз не имеет не только своей квартиры, но и комнату в родительском гнезде делит с братом.

Мать с боем уложила спать Генку, повозилась на кухне. Заглянула в комнату к мужу – тот спал, беспокойно дыша и постанывая. Она покачала головой и вышла. Давно уже Лариса не испытывала к нему ни жалости, ни сочувствия. А уж про любовь вообще не помнилось, была ли она когда-то. Поймала себя на мысли, что, если он и вправду умрёт, всем станет только легче. Освободится комната, не нужно будет портить себе нервы, участвуя в жалком, позорном шоу «Умиравший муж и злые домочадцы». Лариса покачала головой, упрекая себя за крамольные мысли, и пошла спать в свою проходную, на двоих с сыном комнату.

* * *

А наутро она вновь ворвалась к дочке без стука, растолкала её, сонную, и сквозь всхлипывания сообщила, что ночью отец умер. Все настолько привыкли к постоянным умираниям главы семьи, заканчивавшиеся ничем, что поначалу были просто ошарашены и не понимали, что теперь делать. Затем оцепенение прошло, и началась обычная в таких случаях суета. Звонили в «скорую», потом на работу – отпрашиваться. Генке велели в школу не идти, а отправляться к бабушке, чтоб не путаться под ногами. Обзванивали родню и друзей, сообщали печальную новость. Те выражали дежурные соболезнования, спрашивали, когда похороны. Женщины ничего толком не могли сказать, сами не знали.

К их облегчению появился любезный молодой человек из похоронного бюро, очевидно извещённый диспетчером «скорой», и быстро взял все хлопоты на себя. Приехала врачиха – крупная, значительная, с брезгливо-равнодушным лицом. Цепко осмотрела покойного, засвидетельствовала смерть, сказала, что надо везти тело в морг. Предварительная причина – сердце, но точно скажут только после вскрытия.

Участковый, который заходил ещё раньше, подозрений в насильственной смерти не имел, поэтому вскоре появились двое небритых мужичков с носилками, погрузили на них безро-

потное тело и унесли. Любезный представитель похоронного сервиса быстро согласовал все вопросы: когда и где хоронить, как получить свидетельство, будут ли отпевать – если надо, у него и священник есть, а поминки можно организовать у них в специальном кафе, там всё налажено, кормят хорошо и не сильно накладно. Велел до завтра собрать и привезти в морг вещи, в которые потом оденут покойного. Назвал сумму к оплате, довольно высокую, виновато развёл руками: что поделать, всё сейчас очень дорого, зато ни о чём не нужно беспокоиться.

Маринка вела все переговоры сама – мать словно впала в ступор, не могла ответить ни на один вопрос. Молодой человек взял аванс – всё, что нашлось в доме. Покривился: мало-вато будет, попросил назавтра, до окончательного расчёта добавить ещё, начал объяснять, как это сделать, но, к счастью, примчался Игорёк, привёз деньги, рассчитался с распорядителем и выпроводил его за дверь.

Лариса Сергеевна наконец очнулась и твёрдо заявила, что Маринка должна найти отцовы туфли, о которых он говорил, и отнести в срочный ремонт. В соседнем дворе, на Большой Арнаутской, есть какой-то дядя Боря – он, вроде, берётся за любую обувь, пусть отправляется к нему и просит починить туфли до вечера, чтоб с утра отвезти в морг. Отец велел похоронить его в них, а воля умирающего – это святое. Помолчала немного и вдруг, неуверенно улыбнувшись, сказала:

– Это аж с девяносто второго года; тебя, Маринка, тогда ещё не было, мы с отцом пожеглись только. Он всё хотел бизнесом заниматься, нашёл какого-то итальянца, тот собирался магазин обуви у нас открывать, а Саша ему помещение подыскивал. Только ничего у них не вышло, итальянец, как узнал, какие взятки надо давать, быстро свернулся и уехал, а эти туфли Саше подарил. Он всё в них щеголял, гордился, мечтал какой-нибудь бизнес наладить, да так и не сложилось, всё в пустые разговоры ушло... А туфли хорошие были, он их столько лет носил, сначала на выход, потом на работу, а после уже так, на улицу, в магазин, пока совсем не забросил... Ты, Мариша, найди их, почини, пусть Саша напоследок в них побудет... – она заплакала, и Маринка бросилась её утешать, обещая обязательно всё сделать.

Игорёк дождался её в прихожей, сказал, что ему надо бежать в институт, оставил ещё денег «на мелкие расходы». Маринка благодарно поцеловала его и отправилась в кладовку за туфлями. Нашла их, помыла, высушила. С сомнением осмотрела: старые, рваные, потёртые – возьмётся ли за них мастер?

Старик-сапожник, лысоватый, маленький, в круглых очках и приплюснутой шерстяной шапочке, долго недоумевал, зачем ремонтировать такое старьё, и за работу взялся только после того, как Маринка рассказала ему, для чего хотела починить обувь. Она спросила, сколько это будет стоить, но старый сапожник только отмахнулся – какие счёты с покойником?

А дальше всё прошло, словно само собой. Они получили документы, в срок привезли одежду. В назначенное время Александра Михайловича в аккуратном гробу доставили к дому, где уже ждали соседи, родственники и друзья. Батюшка быстро отпел покойного и удалился, соседи попрощались у дома, а остальные поехали на кладбище. Распорядитель ловко управлялся, руководя спешной, отработанной, словно на конвейере, церемонией.

Гроб поставили возле ямы, на кучу земли. Новый участок, в самом конце Западного кладбища, наполовину состоял из свежих захоронений, наполовину – из только что вырытых могил, ожидающих своих постояльцев. На дорожке к участку уже стоял автобус с новым покойником, и копщики торопились.

Курилов лежал в гробу, укутанный в какую-то похожую на тюлевую занавеску материю, ещё более нелепый, чем при жизни, с обиженным и скорбным лицом. Итальянские туфли, починенные дядей Борей и выглядевшие как новые, никто так и не увидел под покрывалом, да и кому это было нужно, тем более что их парадный, словно для бала вид, никак не вязался с общим жалким видом покойного. Первая приблизилась к гробу Лариса с чёрной лентой в

волосах, поцеловала холодный лоб, пошептала что-то про себя, отошла и только тогда разрыдалась, горько и безутешно.

Она не бросалась к мужу на грудь, не звала его по имени. Просто плакала навзрыд, уткнувшись Маринке в плечо, пока прощались остальные. И была в этом плаче тоска по всему её нелепому семейному «счастью», горечь от ничтожного его вида, ещё более несуразного, чем при жизни, и стыд за то чувство облегчения, которое она испытывала.

Все попрощались, гроб заколотили и опустили в могилу. И ушёл Курилов, как был: в потрёпанном костюме, старом, кое-как повязанном галстук и чудесных, блестящих, как новые, итальянских туфлях. Народ потянулся к автобусу, чтобы ехать в кафе поминать умершего, натужно подбирать добрые слова, пить водку и есть вредные продукты, которые он так любил.

В автобусе Маринка сидела рядом с матерью, а из головы у неё всё не выходил старик-сапожник с Большой Арнаутской – как он долго рассматривал знаменитые отцовские туфли, качал головой, разводил руками и бормотал, что Там не будет Бог смотреть на обувь, в которой ты пришёл, а будет спрашивать, как ты жил. И от этого ей становилось совсем грустно и очень-очень хотелось плакать...

Февраль-март 2016

Красные босоножки

Со Славкой мы звонимся обычно два раза в год, на дни рождения. В этот день звонил я, его черёд был праздновать. Раньше мы жили в одном дворе, дружили с детства до тех пор, пока в начале девяностых меня не унесло в столицу – пробиваться наверх, убегая от провинциальной нищеты. Хотя Одесса и не считалась глухой провинцией, всё равно перспективы в столице вырисовывались совсем другие.

Звал потом, когда зацепился и начал выкарабкиваться наверх, друга к себе, но он предпочёл обустраиваться в родном городе. Созванивались редко – вначале связь между городами была некачественной и дорогой, потом это стало проще и дешевле, однако совместных интересов оставалось всё меньше. Общие друзья-подруги переженились, повыходили замуж, разъехались, потерялись. У каждого была своя жизнь: дети, а вскоре и внуки, работа, дача. Последние несколько лет звонились просто по привычке:

«Привет-привет, с днём рождения, здоровья-счастья, как дела, жена, дети, спасибо, пока-пока».

Однако в этот раз отлаженные шестерёнки дали сбой, и Славка, чуть помявшись, вдруг спросил:

– Сань, а ты дядю Борю помнишь?

– Ну, ты даёшь, дядю Борю не помнить! Что он, жив ещё?

– Да как тебе сказать... Жив, но счёт уже на дни пошёл. Он в больнице, позавчера увезли, рак у него оказался в последней стадии...

– Да, блин, вы что там, все спите, неужели раньше не заметили, почему только сейчас опомнились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.